

И. П. МЕДВЕДЕВ

К ПРЕДЫСТОРИИ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ АКТОВ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА

Одним из наиболее значительных научных проектов в нынешнем мировом византиноведении несомненно является подготовка австрийскими учеными во главе с профессором Г. Хунгером фундаментального восьмитомного издания актов Константинопольского патриархата.¹ Сохраненные двумя известными венскими рукописями Vindob. hist. 47 и 48, некогда привезенными из Константинополя Авгерием Бузбекским и представляющими собою подлинный патриарший регистр,² эти акты (в количестве около 700 с 1315 по 1402 г.) являются ценнейшим источником не только по внутренней истории Византии и византийской церкви, но и по всему комплексу международных отношений в XIV в. В частности, они служат основным источником по истории русско-византийских отношений в данное время, ознаменовавшихся решительным поворотом в политике пришедшего к власти нового, исихастского руководства патриархатом и византийской церковью, поворотом, направленным на возвышение Москвы как религиозного и политического центра русского государства.³

Как известно, первым и до сих пор единственным полным изда-

¹ Начатые еще в середине 60-х гг. с привлечением сил филологов, историков, юристов, эти работы лишь в 1981 г. увенчались первым крупным успехом — выпуском 1-го тома регистра: *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel* / Hrsg. von H. Hunger und O. Kresten, Wien, 1981. 1. Teil (Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1315—1331 + Indices / Erstellt von C. Cupane).

² Всестороннее дипломатическое, палеографическое и кодикологическое изучение указанных венских рукописей см. в работах: *Darrouzès J. Le registre synodal du Patriarcat byzantin au XIVe siècle: Étude paléographique et diplomatique.* Paris, 1971; *Studien zum Patriarchatsregister von Konstantinopel* / Hrsg. von H. Hunger. Wien, 1981. Bd 1 (Beiträge von P. Canart, C. Cupane, H. Hunger, O. Kresten und G. Prato).

³ Об этой группе документов см. также: *Hunger H. Das Patriarchatsregister von Konstantinopel als Spiegel byzantinischer Verhältnisse im 14. Jahrhundert // Anzeiger der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse, 115. Jahrgang (1978).* Wien, 1979. S. 121—126.

нием актов Константинопольского патриархата, содержащихся в данном регистре, является издание Миклошича и Мюллера, осуществленное более 130 лет назад, которое, несмотря на все присущие ему недостатки, выполнив свою выдающуюся роль в науке, сейчас безнадежно устарело.⁴ Однако в связи с подготовкой нового издания совершенно естественно у исследователей пробудился интерес к истории этого первого издания, что и было реализовано в обстоятельном исследовании О. Крестена и К. Штурм-Шнабль.⁵ Излагая в деталях все обстоятельства, сопутствовавшие подготовке первого издания актов патриархата, авторы упоминают (согласно информации, которую в их распоряжение предоставил автор настоящих строк) и о «русской прелюдии» этого издания. Тем не менее представляется целесообразным посвятить этой теме хотя бы небольшую специальную статью, тем более что за последнее время мне удалось не без помощи коллег⁶ разыскать целый ряд документов, проливающих дополнительный свет на эту интереснейшую страничку из истории отечественной науки.

Да, приоритет в осознании необходимости срочного издания ценнейшего исторического источника и в практическом претворении этого «Forschungsprojekt» самым решительным образом принадлежит русской науке и связан с именем известного историка слависта и этнографа Н. И. Надеждина (1804—1856).⁷ Волею судеб (точнее, по совету врачей) оказавшись на некоторое время в Одессе, он принял активное участие в деятельности местного Общества любителей истории и древностей, в редактировании ученых записок последнего. В своей «Автобиографии» Н. И. Надеждин сообщает, что именно по поручению этого Общества он совершил в 1840—1841 гг. «обширное путешествие по Юго-Восточной Европе, продолжавшееся более года»,⁸ во время которого он посетил и Вену. «Я, — уточняет он в своей записке об этом путешествии, — провел зиму (1840—1841 гг.) в столице Австрийской империи, где, впрочем, не оставался бездействен. Богатые сокровища императорской Библиотеки были

⁴ Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860—1862. Vol. 1—2 (Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV usque ad MCCCII e codicibus manu scriptis Bibliothecae Palatinae Vindobonensis). — Из-за плохого согласия рукописей многие документы были изданы неудовлетворительно, а некоторые вообще были пропущены издателями. См.: Hunger H. Zu den restlichen Inedita des Konstantinopler Patriarchatsregisters im Cod. Vindob. Hist. gr. 48 // Revue Et. Byz. 1966. T. 24. P. 58—68; Asdracha C. Deux actes inédits concernant l'Épire // Ibid. 1977. T. 35. P. 157—174.

⁵ Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe zur Entstehung der Ausgabe der «Acta Patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV—MCCCII»: Beiträge zur Geschichte der Erforschung des Patriarchatsregister von Konstantinopel // Römische Hist. Mitteilungen. 1983. Heft 25. S. 339—402.

⁶ Я, в частности, благодарю И. Г. Воробьеву за указание некоторых нужных мне публикаций.

⁷ Стенник Ю. В. Надеждин Николай Иванович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 246—247. — См. здесь же библиографию работ о Н. И. Надеждине!

⁸ Надеждин Н. И. Автобиография (с дополнениями П. Савельева) // Русский вестник. 1856. № 5. С. 67.

отворены мне радушием известного Копитара. Поучительные беседы этого маститого Нестора славянской филологии и палеографии я причисляю к лучшим приобретениям моего странствия. Таким образом, четырехмесячное пребывание мое в Вене доставило мне возможность обдумать, пополнить и завершить собранные мною заметки, равно как приготовиться к дальнейшей, занимательнейшей части моего путешествия». ⁹ Из другого отчета Н. И. Надеждина о его путешествии мы узнаем, что помимо известного филолога-слависта, издателя знаменитого «Клоцева кодекса» Варфоломея Копитара (1780—1845), а также Павла Йосефа Шафарика (1795—1861) он встретил в Вене и известного сербского филолога и фольклориста, одного из вождей сербского национального движения Вука Стефановича Караджича (1787—1864), ¹⁰ который, как мы увидим, будет играть в нашей истории определенную роль.

Неизвестно, в этот ли свой проезд в Вену познакомился Надеждин с хранившимися в Императорской Библиотеке рукописями регистра Константинопольского патриархата и тогда ли у него зародилась идея издания регистра. Но что можно сказать с определенной уверенностью, так это то, что на сей раз у него еще не было встречи с Миклошичем и Мюллером, не было и заключено с ними соглашение на копирование обеих венских рукописей: Мюллер начал свою деятельность в Императорской Библиотеке в качестве «Hilfsarbeiter» 17 января 1848 г. (правда, его первые контакты с этим учреждением восходят к 1846 г.), а Миклошич — несколько раньше: 6 мая 1844 г. он занял в Императорской Библиотеке место «третьего писца (amanuensis)». ¹¹ Лишь где-то в конце 1847 г. Н. И. Надеждин, который в это время был в должности редактора петербургского «Журнала Министерства внутренних дел» и с 7 августа 1847 г. по 15 января 1848 г. находился в заграничной командировке, ¹² встретился в Вене с молодым Иосифом Мюллером и уже маститым Францем Миклошичем и договорился с ними о сотрудничестве. ¹³ Об этом свидетельствует ценнейшее для нашей темы письмо Миклошича к Надеждину, датированное 29 июня—11 июля 1848 г. и известное нам, к сожалению, только

⁹ Надеждин Н. И. Записка о путешествии по южно-славянским странам // ЖМНП. 1842. Ч. 34. Отд. 2. С. 90.

¹⁰ Надеждин Н. И. Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южно-славянским землям // Зап. Одесского о-ва истории и древностей. 1844. Т. 1. С. 547.

¹¹ Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe. . . S. 344. Anm. 16.

¹² Надеждин Н. И. Автобиография. . . С. 70. — Глухое упоминание об этой поездке содержится лишь в дополнениях П. Савельева.

¹³ Не послужила ли ему стимулом только что увидевшая свет публикация об этих рукописях другого русского ученого? (Григорович В. И. Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия // ЖМНП. 1847. Ч. 54 (2). С. 131—164). Во всяком случае в трех письмах Миклошича к А. А. Кунику, хранящихся в бумагах последнего и датированных соответственно 10 марта, 27 июня и 8 октября 1847 г. (Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 288, л. 1—4), говорится о самых разнообразных научных делах, но только не о надеждинском проекте, в то время как более поздние письма, о которых нам еще предстоит сказать, уже касаются этого сюжета.

по опубликованному переводу Н. А. Попова (но «с немецкого подлинника»).¹⁴ Приводим текст письма:

«Высокоуважаемый господин и друг!

Несколько недель спустя после Вашего отъезда эллинист И. Мюллер, принявший на себя, несмотря на множество других работ, переписку известного кодекса, получил место в императорско-королевской придворной библиотеке и с тех пор только изредка мог заниматься этим делом. В мартовские дни его захватил *furor politicus*, совершенно отвлекший его от занятий. Эта болезнь, кажется, теперь совершенно побеждена, и вчера, к большому моему удовольствию, я получил первую немалую тетрадь копии, которая без всякого сомнения может наполнить четыре печатных листа. Через несколько дней я прикажу сделать пробный набор (!! — *И. М.*) и даже эти строки пишу единственно с целью спросить Вас, каким путем я должен выслать Вам пробные листы вместе с примерным счетом и первую тетрадь рукописи; а если бы это оказалось затруднительным, то по рассмотрении и одобрении Вами пробных листов не мог ли бы я выслать уже отпечатанные листы по мере их приготовления вместо рукописи, не столь удобной для пересылки? Переписчик (т. е. Иосиф Мюллер. — *И. М.*) требует за лист кодекса 50 крейц. конвен. монеты — цена, которую я нахожу крайне умеренною, ибо я сам убедился, что, несмотря на то что он скоро читает и пишет, ему обыкновенно нужно три часа на переписку одного листа. Я вчера и сегодня большую часть снабдил латинским переводом, ибо работал со всей поспешностью. В ожидании Вашего скорого ответа Вашего Высокородия покорнейший слуга и друг Фр. Миклошич».

Судя по письму, мы действительно имеем дело с весьма серьезным контрактом о сотрудничестве между русским ученым, с одной стороны, и Миклошичем и Мюллером — с другой. Частичный результат этого не реализованного в полном объеме сотрудничества, а именно изготовленная Мюллером копия двухтомной венской рукописи регистра, хранится ныне (вопреки мнению Попова, который считал, что «по всей вероятности, греческий кодекс. . . не попал к Надеждину и в копии») ¹⁵ в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (под шифром Греч. 508, т. 1—2). Посылалась ли Надеждину из Вены уже набранные пробные листы и означали ли они, что местом совместного издания планировалось указать Вену и Санкт-Петербург, неизвестно, но ход переписки и пересылки рукописи, а также постепенно вызревавшая у Миклошича и Мюллера мысль об эмансипации от Надеж-

¹⁴ Попов Н. А. Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину // Русский архив. 1873. Вып. 7. С. 1218—1219. — Где сейчас находится подлинник письма и сохранился ли он вообще, мне, к сожалению, неизвестно. Во всяком случае Н. А. Попов помечает (с. 1221, примеч. 65), что «вся переписка Надеждина с западными и южными славянами передана теперь в архив Славянского благотворительного комитета в Москве. В ней кроме приведенных писем здесь есть еще несколько неважных, заключающих в себе просьбы о пособиях и благотворениях».

¹⁵ Там же. С. 1219.

дина и об осуществлении собственного издания в рамках более широкого проекта об издании 6-томного собрания грамот православного Востока могут быть в какой-то мере прослежены по собранным нами материалам.

Прежде всего — о письмах Вука Караджича Надеждину, опубликованных Н. А. Поповым. Уже 2 февраля 1848 г. в письме из Вены Караджич извещает Надеждина, между прочим (интересующие нас сведения высказаны Караджичем везде «между прочим», так как круг затрагиваемых им тем весьма обширен), о том, что Миклошич пошлет ему «вскоре кое-что из известной . . . рукописи».¹⁶ В письме из Вены от 10 (22) июля 1848 г. он уведомляет Надеждина: «Получив Ваше письмо, я снова говорил с г. Миклошичем о переписке известной Вам греческой рукописи, и ныне это дело опять продвинулось несколько вперед, как можете усмотреть из приложенного при сем письма г. Миклошича»¹⁷ (значит, приведенное нами письмо Миклошича было передано Надеждину Вуком Караджичем вместе с его письмом). В письме из Вены от 5 (17) сентября 1848 г. Караджич передает Надеждину слова Миклошича о том, что «переписка рукописи подвигается прилично», но что тот «удивляется, что от Вас нет никакого известия»;¹⁸ аналогичное содержание в письме из Вены от 23 сентября 1848 г.¹⁹

Письмом Караджича Надеждину из Вены от 4 (16) октября 1848 г. в нашу историю вводится новая (и отныне постоянная) фигура посредника — Михаила Федоровича Раевского (1811—1884), протоиерея церкви при русском посольстве в Вене, деятеля, внесшего значительный вклад в развитие контактов между русскими славистами и славянскими учеными Австрии.²⁰ «Вы пишете, — говорится в письме Караджича, причем намекается на письмо Надеждина от 20 ноября 1848 г., — что с М. Ф. Раевским послали мне 50 дукатов и 100 рублей серебром, а не пишете, что я должен делать с этими деньгами, ибо для напечатания этой книжицы («О раскольниках») не нужно и 100 флоринов серебром, хотя бы печаталась и тысяча экземпляров на самой лучшей бумаге. Стало быть, остальные деньги пойдут г. Миклошичу на покрытие расходов по греческой рукописи».²¹ А 10 (22) ноября 1848 г. Караджич пишет Надеждину важное письмо, в котором извещает, что «несколько листов из переписанной греческой рукописи Миклошич передал М. Ф. [Раевскому]; думаю, что Вы получите их с этим письмом. Если Вы пристаёте к тому, что думает г. Миклошич, чтобы эту рукопись печатать здесь, а Вам посылать начисто отпечатанные листы, Вы же напишете свои примечания и пришлете их сюда для напечатания при конце книги, тогда не нужно будет ни к Вам посылать рукописи, ни Вам посылать назад

¹⁶ Там же. С. 1142 (№ 1).

¹⁷ Там же. С. 1158—1159 (№ 4).

¹⁸ Там же. С. 1165 (№ 6).

¹⁹ Там же. С. 1168 (№ 7).

²⁰ Чуркина И. В. Раевский Михаил Федорович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 290—291.

²¹ Попов Н. А. Письма. . . С. 1170 (№ 8).

печатанные листы. Прошу Вас написать мне о том определеннее. Г. Миклошич завтра уезжает в Кромержиж (г. Кремаир в Моравии. — *И. М.*), но будет наезжать оттуда сюда, так что рукопись может печататься, и он сам будет держать корректуру ее, а я буду посылать к Вам отпечатанные листы. За печать не нужно платить вперед, а после, когда вся книга будет готова. Что касается способа, каким Вы будете впредь доставлять мне деньги, то если не можете найти случая послать мне звонкой монеты (голландских дукатов), то присылайте мне вексель от Штиглица на Амстердам (как мне высылается пенсия) или еще лучше на Лондон, что можно продать здесь выгодно».²²

К сожалению, корявость стиля делает для нас непонятным, кто же был инициатором печатания текста в Вене — Надеждин или Миклошич? Кажется все же, что Надеждин, как он об этом еще напишет в 1851 г. Раевскому и о чем нам еще предстоит сказать. А пока — снова слово Вуку Караджичу, который продолжает информировать о деле Надеждина. «Думая, — пишет он из Вены 25 ноября 1848 г., — что в такое время курьеры отправляются отсюда всякую неделю, я надеялся, что оба письма мои Вы получите; но за десять дней пред сим (после того как я написал и третье письмо от 10 ноября и передал его М. Ф. Р[аевскому]), к великому моему сожалению, узнал, что все три пакетика мои еще здесь в канцелярии!!! М. Ф., чтобы ускорить отправку их сколько возможно, завернул все три в свой пакет (с греческой рукописью от Миклошича); но чрез это они, может быть, еще более запоздают, ибо пакет сделался большой и его труднее послать туда».²³ По-видимому, Надеждин не торопился с ответом, так как 23 декабря 1848 г. Караджич пишет из Вены о том, что «Миклошич на этих днях был здесь и опять вернулся в Кромержиж; он спрашивал меня, не отвечали ли Вы чего по поводу о греческой рукописи, и я ему сказал, что еще нет, но надеюсь вскоре получить ответ».²⁴ Однако и 10 марта 1849 г. он вынужден писать о том же: «Миклошич теперь здесь и печатает свой (славянский. — *И. М.*) словарь, но удивляется, что от Вас нет никакого ответа; я и М. Ф. Р[аевский] тоже дивимся тому».²⁵ Наконец, Караджич еще раз в письме от 18 июля 1849 г. констатирует: «... должно быть, Вам уже не нужна та греческая рукопись»,²⁶ — и больше уже в своих последующих письмах к Надеждину не возвращается к этому вопросу, да и сам Миклошич в письме к А. А. Кунику от 19 августа 1849 г. из Вены, между прочим, спрашивает о Надеждине: жив ли он и живет ли он в Петербурге, и если да, то получил ли он 20 листов греческой рукописи (упоминается и посредничество Раевского)?²⁷

Так что же, Надеждин охладел к своему проекту? Отнюдь! Работа, хотя и замедленными темпами, продолжалась, о чем свидетельствуют

²² Там же. С. 1186—1187 (№ 10).

²³ Там же. С. 1188 (№ 11).

²⁴ Там же. С. 1192 (№ 13).

²⁵ Там же. С. 1198 (№ 16).

²⁶ Там же. С. 1200 (№ 18).

²⁷ Архив АН СССР, ф. 95 (А. А. Куник), оп. 2, № 588, л. 5—6.

другие материалы. Вот ранее не публиковавшееся и ныне хранящееся в Отделе рукописей ГПБ письмо М. Ф. Раевского Н. И. Надеждину из Вены от 10 января 1850 г.:²⁸ «Милостивый Государь, почтеннейший Николай Иванович! Представляю Вам счет (в рукописи: щеть. — *И. М.*) издержек. Елей оскудевает, а г. Мюллер постоянно обещает мне торопиться с перепискою. Угодно Вам будет переслать деньги чрез банкира или отдать брату. Как угодно, только поторопитесь. Посылаю Вам, кстати, от себя книжицу, прошу принять на память. Она о наших новостях. Вы едва ли теперь не лучше меня знаете. Пели мы за здравие, а свыли за упокой. Сами виноваты! Еще нас мало учила история! Правда ли, что Вы собираетесь сюда? Перед отъездом все-таки напишите. Остаюсь Вам предан, Пр[отоиерей] М. Раевский. 10 Генв. 1850 г.». И, наконец, очень важное свидетельство самого Н. И. Надеждина, который пишет 5 марта 1851 г. М. Ф. Раевскому.²⁹

«Пользуясь настоящим добрым случаем, препровождаю к Вам 50 червонцев на продолжение работы по переписке известных документов.³⁰ Благодарю Вас усерднейше и за то, что уже сделано; но когда ж наконец все сделается? Я желал бы по крайней мере знать, что еще остается сделать? До сих пор получено мною от Вас в разные времена всего 7 разного объема тетрадей. В 5 из них идет все еще cod. № 47; в 2 последних начат уже и cod. № 48. Я не знаю, однако, при этом, совсем ли уже кончен № 47. Равным образом не могу объяснить себе, почему в счете листов по подлиннику в находящихся у меня тетрадях представляется значительный промежуток, а именно с fol. 112 по fol. 169. Затем есть в том же cod. № 47 и другие, меньшие промежутки: именно с fol. 208 по fol. 216, fol. 219—fol. 231, fol. 231—fol. 287, fol. 288—fol. 302, cod. № 47 у меня заключается на fol. 307; конец ли это всего cod.? Сделайте милость, справьтесь обо всем этом и уведомяте. На счет следующего cod. № 48 я также желаю знать, сколько в нем всех листов по подлиннику. У меня до сих пор он продолжен по fol. 100; впрочем, также с промежутками, именно: fol. 51—fol. 86, fol. 89—fol. 99. Позвольте при этом вообще попросить Вас ускорить окончание всей этой работы, к сожалению, слишком долго затянувшейся. Если можно было это сделать до будущего июля месяца, я почел бы это для себя величайшим с Вашей стороны одолжением. Тогда можно бы было не медлить и предположенным изданием этих документов, которое я по-прежнему хотел бы предпринять не здесь, а у Вас в Вене; в особенности если и г. Миклошич не изменил

²⁸ ОР ГПБ, ф. 37 (А. И. Артемьев), № 889. — На обложке помечено: «Неустановленному лицу». Текст письма плохо сохранился, местами почти совсем утас. В издании мы исправляем орфографию на современную.

²⁹ ОПИ ГИМ, ф. 347, Ш 570—634. — Письмо опубликовано в кн.: Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М. Ф. Раевского (40—80 годы XIX века) / Сост. В. Матула и И. В. Чуркина, отв. ред. С. А. Никитин. М., 1975. С. 311—312 (№ 289).

³⁰ В примечании к этому месту издатели письма пишут, что «речь идет о переписке кодекса на греческом языке, которую для Надеждина делал Миклошич; что это за кодекс — установить не удалось». Надеемся, теперь им ясно, о каком кодексе идет речь и кто на самом деле был занят перепиской.

своего обещания — принять в этом окончательном труде участие. Впрочем, об этом после; теперь главное мое желание и усерднейшая к Вам просьба, чтобы переписка скорее кончилась. В деньгах, если еще потребуются, остановки не будет: я сейчас же по Вашему требованию внесу их Вашему брату, как уже было мною сделано, или перешлю к Вам с подобною нынешней оказией. Будьте ласковы до конца — похлопочите! Мне хочется непременно, чтобы сделалось, как предположено, — не для себя, а для общей пользы!»

Несомненно, что М. Ф. Раевский выполнил просьбу Надеждина, передал письмо Иосифу Мюллеру, письмо которого от 24 апреля 1851 г. (немецкий подлинник, ныне хранится в Отделе рукописей Института русской литературы — в Пушкинском доме)³¹ — это и есть ответ на вышеприведенное письмо Надеждина к Раевскому. Приводим текст письма Мюллера в нашем переводе:

«Почтеннейший Господин! Ваше письмо к г. Раевскому с запросом о том, как можно объяснить лакуны в изготовленной мною копии рукописей Hist. gr. 47 и 48, побуждает меня самому дать Вам разъяснения и заметить, что отсутствующие листы только потому опущены, что письмо, которое, как Вы это знаете сами, в обоих рукописях очень неровно и изменчиво, на опущенных листах слишком бледно и неразборчиво для этих мрачных зимних дней, от которых мне при моей занятости по службе оставались свободными для этой работы лишь немногие послеобеденные часы. Летом когда в моем распоряжении будет больше времени, я, как только смогу, дошлю Вам отсутствующее и, в частности, постараюсь по возможности скорее окончить первую часть, рукопись № 47, с тем, чтобы на пути к печатанию у нее уже не было больше препятствий. Путаницы при составлении листов, пожалуй, не должно быть, так как листы пронумерованы и всегда точно указано, если какая-то сторона осталась незаписанной. Но что касается печатания обоих рукописей, то разрешите мне Вам заметить, что я не считаю его возможным вне Вены, так как мне кажется неотложной необходимостью, что всякий документ перед отправкой его в типографию должен еще раз быть точно сличенным с рукописью, ибо при всей примененной при списывании внимательности что-то легко может быть пропущено или неверно понято, чего при повторном просмотре можно легко избежать. Что же касается корректуры, то я не премину проявить величайшую точность, и я уполномочен г-ном д-ром Миклошичем заверить Вас, что он, согласно своему обещанию, примет то участие в осуществлении (проекта), которое он Вам обещал. Только соблаговолите сообщить нам, каким образом Вы намерены осуществить издание и на каких условиях должны в нем участвовать г. д-р Миклошич и я.

Надеюсь, что смогу в будущем месяце отправить Вам несколько тетрадей копии, а до конца мая — конец первой части (№ 47), причем лакуны, как сказано выше, будут заполнены. Со вторым томом хочу по возможности торопиться, хотя и не отваживаюсь указать точно срок исполнения. По моему мнению, после выполнения списка

³¹ ОР ИРЛИ, ф. 199, оп. 2, № 61 (2 листа).

первого тома Вы можете начинать с печатанием, так как в любом случае эта работа потребует значительного времени. В ожидании благосклонного ответа с уважением преданный Вашему Высокоблагородию Иосиф Мюллер. Вена, 24 апреля 1851 г.».

Указанные Мюллером сроки, разумеется, не были выдержаны, но копирование рукописи тем не менее было в конце концов завершено, и это было четко зафиксировано самим Мюллером. На л. 527 об. первого тома ленинградской рукописи (ГПБ, Греч. № 508) в правом нижнем углу рукой Мюллера помечено: «Finitum in Caes. Bibliotheca Vindob. 24/2 852. Müller». Первый том, таким образом, был завершён 24 февраля 1852 г.; он был озаглавлен «Codex manuscriptus theologicus³² graecus N° 47. fol. (527)³³ contine(n)s: Synodica decreta Patriarcharum Constantinopolitanorum recentiorum», содержал 527 листов + XI пронумерованных римскими цифрами листов + листы — наклейки с факсимильными прорисовками подписей документов (310 а—б, 327 а—б, 329 а, 346 а, 489 а—б). Через четыре месяца (а именно 26 августа 1852 г.) было завершено копирование и второго тома, о чем свидетельствует собственноручная помета Мюллера на последнем листе (383 об.) рукописи, посередине: «Finis codicis», а в нижнем правом углу: «Vindobonae. 26/8 852. Josephus Müller». На л. 141 об. содержится также записка Мюллера Надеждину, которая (в моем переводе) гласит следующее: «Господина Надеждина учтивейше просят указать еще раз точно встречающиеся в кодексе № 47 лакуны, так как я самое позднее к половине июля первый том закончу; что же касается лакуны в листах 112—169, которая указана в Вашем письме, то следует предположить, что Вы не получили одну тетрадь;³⁴ там, как и позднее, можно вставить только одну незначительную лакуну из нескольких листов. В надежде на благосклонный ответ со всяческим почтением преданный Вашему Высокоблагородию Мюллер».³⁵

Рукопись, таким образом, в полном составе находилась теперь в руках Н. И. Надеждина. Что дальше? А дальше — ничего. Судя по всему, идея сотрудничества все больше изживала себя, у австрийской стороны, явно тяготившейся данными обязательствами, все

³² Мюллер помещает венские рукописи № 47 и 48 в разряд «теологических», по-видимому, будучи введен в заблуждение по преимуществу их церковно-историческим содержанием, хотя уже в XVII в. Ламбеций определил их в разряд «Codices historici», в числе которых они теперь и фигурируют в каталогах. Ср: *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe. . . S. 362. Anm. 74.*

³³ Цифра, естественно, отсутствует, потому что Мюллер, посылая первые тетради, не мог еще знать, сколько листов в рукописи будет в целом.

³⁴ Действительно, тетрадь в конце концов добралась до Надеждина, так как сейчас данной лакуны нет.

³⁵ „Herr von Nadeshdin werden höflichst gebeten, die im Codex N° 47 vorkommenden Lücken genau noch einmal angeben zu wollen, da ich den ersten Band längstens bis Hälfte Juli beendigen werde, aber bei der Lücke fol. 112—169, die in Ihrem Schreiben angegeben worden, vermuten muss, dass Sie eine Heft nicht erhalten haben, es kann dort, ja wie später, nur eine unbedeutende Lücke von wenigen Blättern stecken. In der Hoffnung einer geneigten Antwort, mit aller Hochachtung Euer Hochwohlgeboren ergebenster Müller“.

больше определялись собственные интересы,³⁶ и вот 14 ноября 1852 г. Франц Миклошич пишет из Вены Надеждину письмо (хранится в Рукописном отделе Пушкинского дома³⁷), которое фактически ставит точку в этом неудавшемся сотрудничестве. Привожу текст письма в моем переводе:

«Ваше Превосходительство! Не соизволите ли Вы уступить изготовленную И. Мюллером копию документов, содержащихся в подлинном регистре Константинопольского патриархата, одному здешнему греку, у которого есть намерение в любом случае довести до печати названные документы? Он же готов за эту любезность переслать Вашему Превосходительству соответствующее число экземпляров, а я тем легче решился задать Вашему Превосходительству этот вопрос, что в подобном предприятии даже нечего и думать о какой-то денежной прибыли и что упомянутые документы вряд ли могут быть напечатаны где-либо в ином месте, нежели в Вене, где в любой момент можно взглянуть на сами подлинники, чего нельзя даже и представить себе в качестве необходимого, располагая мюллеровской копией. Не будет ли Ваше Превосходительство столь любезно сообщить устно подателю (сего письма. — *И. М.*) о его решении по этому поводу? С истинным почтением преданнейший Вашему Превосходительству слуга д-р Миклошич. Вена. 14 ноября 1852 г.»

Судя по тому, что рукопись осталась в Петербурге и теперь находится в нашем распоряжении, Надеждин игнорировал просьбу Миклошича, считая, по-видимому, себя (и не без основания) законным собственником рукописи. Возможно, что он вообще не удостоил Миклошича ответа, да и своих российских коллег не был склонен посвящать в свои планы, которые окончательно прервались с его смертью, последовавшей 11 (23) января 1856 г. (умер он в возрасте 51 года). О том, что это было именно так, косвенным образом свидетельствуют попытки русских ученых, по-видимому, ничего не знавших о намерениях Надеждина и о находившейся в его руках рукописи, повторно организовать копирование венского кодекса. Известна копия нескольких документов из рукописи *Vindob. hist. gr. 47*, сделанная в середине XIX в. академиком А. А. Шифнером и хранящаяся ныне в рукописном отделе БАН СССР (Q № 11).³⁸ О планах Одесского общества истории и древностей заказать переписку венского кодекса сообщают в феврале 1859 г. Миклошич и Мюллер в своей совместной докладной записке философско-историческому классу австрийской Императорской Академии наук.³⁹ Лишь А. А. Куник,

³⁶ Во всяком случае Мюллер, все больше «входивший во вкус» при работе с византийскими документами и приобретший в этом деле весьма солидную квалификацию, с согласия Миклошича, но явно без согласования с Надеждиным, еще работая на него, уже начал публиковать документы регистра в труде Миклошича, причем без какой бы то ни было ссылки на планируемое Надеждиным издание регистра. См.: *Miklosich F. Slavische Bibliothek. Wien, 1851. Bd 1. S. 145—146.*

³⁷ ОР ИРЛИ, ф. 199, оп. 2, № 62 (2 листа).

³⁸ Описание Рукописного отдела Библиотеки АН СССР, том 5: Греческие рукописи / Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973. С. 211—212.

³⁹ *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe. . . S. 376.*

этот связавший свою судьбу с Россией и Петербургом выдающийся немецкий историк и филолог (1814—1899),⁴⁰ был, кажется, в курсе надеждинских планов, о чем свидетельствует его переписка как с Н. И. Надеждиным,⁴¹ так и с Миклошичем и Мюллером (черновики его писанных немецкой готикой писем к Миклошичу и Мюллеру и подлинные письма последних к А. А. Кунику), хранящаяся ныне в Архиве АН СССР (г. Ленинград).⁴² Так, еще при жизни Н. И. Надеждина (15 мая 1855 г.) Мюллер шлет Кунику из Павии письмо следующего содержания (привожу в моем переводе с немецкого лишь ту часть этого пространного и интереснейшего письма, которая непосредственно относится к интересующему здесь нас вопросу):

«Глубокоуважаемый Господин! Только сейчас получил я Ваше дружеское письмо от 11 марта,⁴³ так как я весь апрель отсутствовал и, воспользовавшись пасхальными каникулами, задержался ради моей работы в Милане. Принося Вам сим свою благодарность за Ваше почтенное письмо, я отвечаю на него, следуя порядку Ваших вопросов.

Во-первых, что касается списанных мною в Вене документов, то я очень хочу, чтобы они по возможности скорее увидели свет гласности, пусть даже в каком угодно виде, так как они обладают совершенно особым интересом не только для истории русской церкви, но и для всей византийской церковной истории и для всего, что с ней связано. Вы знаете, что при (занятиях. — *И. М.*) Византией имеет значение — пролить больше света. И если я предлагал в качестве места печатания Венецию, то вообще-то аргумент для этого у меня был только один: где есть достаточно литер, чтобы быстро напечатать, и достаточно опытные наборщики, чтобы не нужно было испытывать то ужасное мучение с корректурой, которое я претерпел в Вене и Милане. В Венеции же тот случай, когда в находящейся там греческой типографии, которая снабжает греческий Восток молитвенниками-миньями, октоихами и т. д., печатается наряду с этим и нечто классическое. Далее я имел в виду, что ни Вам, ни господину Надеждину (которому я имею честь кланяться) служебные дела не позволят взять на себя труд по приведению в порядок бумаг и выверки корректуры, и в этом случае, пожалуй, никто, кроме меня, не сделает это лучше. И я должен сказать, что я заинтересован в появлении этих актов, с которыми я упорно работал ряд лет, и я возьму на себя то, что еще остается сделать, без всякой материальной заинтересованности, из простой любви к делу. Мне кажется весьма целесообразным дать хотя бы простое воспроизведение, чтобы сделать вещь

⁴⁰ См. о нем: *Лангева Л. П.* Куник Арист Аристович // Славяноведение в революционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 206—208.

⁴¹ Правда, среди бумаг Куника, хранящихся в Архиве АН СССР, содержатся лишь три краткие записки Н. И. Надеждина, адресованные Кунику еще в 1843 г. (Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 624), в которых ничего не говорится о нашем сюжете, но они свидетельствуют о дружеских отношениях между двумя учеными.

⁴² Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 169, 588, 590.

⁴³ Черновик этого письма А. А. Куника к Мюллеру от 11 марта 1855 г. см.: Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2 а, № 169, л. 1.

прежде всего доступной, предпослав во всяком случае так называемые регесты или краткие указания содержания, скажем, на латинском языке, чтобы облегчить отыскание отдельных актов.⁴⁴ Быстрейшее напечатание уже потому было бы желательным, что некто (а я мог бы указать кто) может легко напасть на мысль использовать наиболее интересные документы, да, пожалуй, и напечатать, даже если и не будет терпения списать все. Но что касается колляции, то в любом случае я придерживался бы мнения, что она в высшей степени была бы целесообразна для правильности издания. Тем не менее я хотел бы предложить сличать не саму копию, а в процессе печатания вторую или третью корректуру (нужны же по меньшей мере четыре): это будет надежнее, быстрее, дешевле и не замедлит печатания, если будет наличествовать достаточное количество литер для 607 листов, при одновременном печатании обоих томов и при отправлении бандероли с корректурными листами в Вену, что стоит (при прохождении через всю Германию) только один крейцер за лист. Что же касается того, кто сможет выполнять эту работу в Вене, то я уже написал одному такому, не вдаваясь в детали, и от моего имени спросил его о такого рода работе, чтобы знать его мнение. Как только я получу ответ, я сообщу Вам. . .».

Налицо, таким образом, уже вполне сформировавшийся у Мюллера к тому времени замысел собственного издания и поиски наиболее рациональных путей его осуществления. Но о том, что он еще не окончательно «поставил крест» на «русско-австрийском» проекте и на изготовленной им для Надеждина копии венской рукописи константинопольского регистра, свидетельствует еще одно письмо Мюллера Кунику, отправленное 2 февраля 1856 г. из Павии (Надеждина уже нет в живых, но Мюллер об этом еще не знает).⁴⁵ Привожу относящийся к нашей теме отрывок из этого письма (в моем переводе с немецкого):

«Глубокоуважаемый Господин! Отвечая на Ваше дружеское письмо от 24 декабря (до меня дошло 18 января). . . я прежде всего обязан Вам за сведения о копии с документами.⁴⁶ От всего сердца сожалею, что г. Надеждин столь серьезно болен, так как из Ваших слов я заключаю, что смерть его близка, и только желаю, чтобы копия перешла в собственность Имп. Академии и стала скорее доступной ученому миру, ибо вряд ли кто-то найдет для повторного копирования, да и у меня, откровенно говоря, вряд ли еще хватит терпения, хотя этим я не хочу сказать, что у меня нет необходимой энергии для других и даже более длительных задач, как я намереваюсь показать в „Byzantium“. Что касается полученного мною гонорара, то он составлял 1 гульден за лист. И так как, если не ошибаюсь, первый том (№ 47 по каталогу Ламбеция) имеет 305, а второй (№ 48) 250 листов (я, разумеется, могу и ошибиться в числе листов, в копии

⁴⁴ Опубликованные тома «Актов» показывают, что издатели пошли именно по этому «облегченному» пути издания документов.

⁴⁵ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 590, л. 3—4 (на сложенном вдвое листе бумаги. текст письма — на четырех сторонах).

⁴⁶ Черновик этого письма А. А. Куника в его бумагах не обнаружен.

они указаны точно), то я получил 555 гульденов, что существенно превышает сумму в 40 150 рублей серебром. Так как 150 рублей серебром составляют 750 австрийских иванцигеров, а 555 гульденов — 1665 (при этом следует заметить, что сумма выплачена мне в австрийских банкнотах, да еще в период крупнейшего колебания курса серебра), то для того, чтобы вывести истинную, мной действительно полученную сумму, нужно вычесть 20 %. Я привожу Вам все эти детали, чтобы Вы в том случае, если Вас это будет занимать, имели путеводную нить, так как у Надеждина должны находиться мои квитанции. Мне будет очень приятно, если Вы в случае печатания сообщите об этом более подробно, так как Вы, естественно, понимаете мою заинтересованность в этой публикации. . .».

Лишь в 1858 г. (точнее, 6 сентября 1858 г.) Мюллер шлет из Италии Миклошичу письмо — первый серьезный документ с обоснованием необходимости собственнo венского издания регистра. Он пишет: «. . . я потерял отныне всякую надежду видеть оба кодекса Theol. gr. 47 и 48, которые я скопировал для России, там напечатанными. . . С г. Куником я обменялся по этому делу несколькими настоятельными письмами, но не пришел ни к какой цели». ⁴⁷ А в феврале 1859 г. Миклошич и Мюллер уже официально обращаются в австрийскую Императорскую Академию наук с уже упомянутой докладной запиской о необходимости издания и с обоснованием расходов на печатание первого тома константинопольского регистра. При этом они упоминают и о намерении «серьезного исследователя в области истории восточной церкви» Надеждина заказать копию регистра и издать ее, и о том, что «Надеждин умер, не осуществив своего проекта, а копия, как кажется, утеряна», но они ни словом не обмолвились о своей роли в изготовлении упомянутой «копии» и в планировавшемся венско-петербургском издании. ⁴⁸ Тем не менее контакты Мюллера и Миклошича с Куником продолжались, но теперь речь идет о реализации тиража. Так, 29 сентября 1859 г. Мюллер пишет из Вены Кунику письмо ⁴⁹ следующего содержания (в моем переводе с немецкого):

«Глубокоуважаемый Господин! Вы несомненно помните, какой интерес у меня был всегда к двум греческим рукописям императорской дворцовой библиотеки, которые содержат протоколы константинопольского синода. Так как нынешние политические отношения сделали возможным мое более длительное пребывание в Вене, а также показалось важным познакомить наконец (ученый мир. — *И. М.*) с этими рукописями, то Ф. Миклошич и я решили предпринять эту работу в Вене, имея некоторую поддержку со стороны Имп. Академии, и тотчас же с усердием принялись за дело.

Первый том, из которого Вы в приложении к настоящему письму получаете в качестве образца один интересный для России лист, ⁵⁰

⁴⁷ *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe. . . S. 362—363.*

⁴⁸ *Ibid. S. 376.*

⁴⁹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 590, л. 1 (один бумажный лист, текст письма — на одной лицевой стороне).

⁵⁰ Значит, в принципе где-то в бумагах Куника должен был бы существовать и этот отгиснутый лист, но сохранился ли он, мне неизвестно.

будет до конца января готов, а затем в самом скором времени появится и второй. Вы, конечно, понимаете, что для осуществления такой публикации пришлось пойти на большие жертвы, и поэтому мы обращаемся и к Вам, чей интерес к работе нам известен, с тем, чтобы просить Вас побудить русскую Императорскую Академию поддержать дело посредством заказа на некоторое количество экземпляров или каким-то другим образом и вообще сообразоваться указать нам, как лучше всего можно было бы осуществить сбыт труда в России. Мы полагаем, что вправе рассчитывать на таковой для публикации, если бы Вы в интересах дела пожелали взять на себя заботу о ней. Как только появится том, мы не преминем тут же прислать его Вам.

Если Вы сообразовали бы быстро ответить мне на это письмо (по моему адресу на имп. дворцовую библиотеку), то я Вам буду весьма признателен. Имею честь подписаться с особым почтением, преданный Вам проф. Иосиф Мюллер. Вена, 29 сентября 1859 г.».

С аналогичной просьбой о содействии в реализации тиража к Кунику обратился и Миклошич, который в письме от 25 декабря 1859 г. просит помочь наладить закупку экземпляров их с Мюллером публикации русским правительством для библиотек исторических обществ Москвы и Одессы.⁵¹ Но когда Куник позднее обратился к Миклошичу с просьбой о более детальной информации (стоимость издания и т. д.), то оказалось, что свободных экземпляров для отправки в Россию почти нет, о чем Куника информирует (вместо отсутствующего Миклошича) своим письмом из Вены от 22 августа 1860 г. Мюллер, сообщая, между прочим, уникальные сведения о численности тиража первого издания актов Константинопольского патриархата (всего 300 экземпляров!) и о его реализации. Приводим интересующий нас раздел письма Мюллера к Кунику⁵² (в нашем переводе с немецкого):

«Глубокоуважаемый Господи! Поскольку проф. Миклошич отсутствует, находясь в каникулярном путешествии в Швейцарию и, возможно, в Париж, спешу вместо него ответить на Ваше любезное письмо.

Что касается пункта о стоимости экземпляров наших «Acta patriarchatus C(onstantinopolitani)», то (поскольку они от нас непосредственно отнимаются) я должен, к сожалению, заметить Вам, что у нас нет больше ни одного экземпляра в нашем собственном распоряжении, так как греческое министерство взяло для себя треть всего составившего только 300 экземпляров тиража, каковые экземпляры уже отправлены в Афины. Кроме того, распродажа через нашего книгопродавца Герольда была столь успешной, что он настоятельно потребовал от нас и те немногие экземпляры, которые мы хотели

⁵¹ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 588, л. 9—10 (согнутый вдвое бумажный лист, текст письма — на четырех сторонах).

⁵² Там же, № 590, л. 6—7 (согнутый вдвое бумажный лист, текст письма — на трех сторонах). Ср.: там же, № 588, л. 11—12 (Письмо Миклошича к Кунику от 19 июня 1860 г., где также идет речь об экземпляре актов патриархата для Куника).

удержать за собой и в которых ему не отказано. Так что, собственно говоря, есть лишь несколько свободных экземпляров, которые можно заказать через книгопродавца (по цене 6 талеров 20 грошей). Только в марте, когда не распроданные книготорговцами экземпляры снова поступят к комиссионеру, можно будет, пожалуй, еще найти некоторое дополнительное их количество. А пока что мы можем, стало быть, Вам, глубокоуважаемый Господин, только адресовать просьбу через рецензию прославиться в качестве знатока всего этого и способствовать содействовать срочному сбыту находящегося в руках книготорговца запаса. Я действительно сожалею, что не был отпечатан большой тираж, как я планировал, но решение зависело не от меня.

Над вторым томом я усердно работаю, пользуясь досугом, который мне предоставляют неприятные итальянские связи, как нынешний профессор в Падуе (?). Четыре листа второго тома уже отпечатаны. Дело будет быстро продвигаться вперед, чтобы по крайней мере можно было скорее полный текст предложить историкам. Введение и комментарий я, пожалуй, сопровожу в свое время отдельно,⁵³ если я буду снова удостоен более продолжительным отдыхом. . . Извините, если я пишу в спешке, только что пришла еще одна корректура, которая не может ждать».

Так что же, все усилия Надеждина оказались стопроцентно тщетными? Не будем спешить с выводами. Не следует, в частности, недооценивать роль Надеждина как катализатора издания: «Инициатива русского ученого, его хлопоты по копированию венских кодексов регистра дали решающий стимул для Иосифа Мюллера (как, впрочем, и Франца Миклошича) заняться регистром Константинопольского патриархата, а благодаря работе над заказанными Надеждиным рукописями внимание Мюллера было обращено на византийскую историю, появились первые в этой области публикации Мюллера».⁵⁴ Можно даже сказать, что вложенные Надеждиным в это дело средства были затрачены как на образование одного из крупнейших в свое время специалистов по византийской истории, так и на создание важнейшего корпуса источников по истории Византии и стран Западной и Восточной Европы. Имею в виду следующее. О. Крестена и К. Штурм-Шнабль поражает, что с момента обращения Миклошича и Мюллера с докладной запиской в Императорскую Академию наук с обоснованием и прошением финансирования издания (1 (14) февраля 1859 г.) до выхода в свет первого тома регистра (май 1860 г.) прошло чуть больше года — срок фантастически небольшой для осуществления столь сложного труда. И они задаются вопросом о причинах этого. Легче всего, по их мнению, предположить, что копии Надеждина все же посылались в Вену. Но это, как мы видели, отпадает, да и по существовавшему тогда издательскому правилу они бы не сохранились после набора. Что же касается неясного вопроса о том, кто готовил тексты к печати, то, с одной стороны, по их

⁵³ Намерение, которое никогда не будет выполнено.

⁵⁴ *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe. . . S. 359—360.*

мнению, все заставляет думать о каком-то третьем анониме («каком-нибудь служащем придворной библиотеки, который таким образом поправлял свои скудные доходы?»), а с другой — высокое качество издания заставляет сомневаться, что это делал кто-то другой, а не один из двух издателей. Вывод: «Если не прибегать к помощи столь же исполненных фантазии, сколь и недоказуемых спекуляций, то остается один-единственный честный ответ на вопрос о более близких обстоятельствах возникновения образца для набора первого тома актов Константинопольского патриархата — *pop liquet*».⁵⁵

И все-таки, может быть, существовали какие-то предварительные материалы, оставшиеся от работы Мюллера (а может быть, и Миклошича, и кого-то еще) над текстом регистра, помимо отправленных Надеждину копий? Меня в данном случае смущает упоминание в письмах Миклошича и Караджича «пробного набора», «пробных листов», «отпечатанных листов», которые должны были отправляться Надеждину, но наверняка не были отправлены. Возможно, они изготовлялись и накапливались с самого начала работы над текстом рукописей, а позднее были использованы для издания? Но если это так, то первое издание регистра Константинопольского патриархата осуществлено в значительной мере на средства русского ученого, а «блистающее своим отсутствием» упоминание его имени как в выходных данных венского издания, так и просто в предисловии издателей — это уже вопрос научной этики.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ВОПРОСУ О «СЛЕДАХ» МЮЛЛЕРОВСКОГО НАСЛЕДИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

Констатируя тот факт, что после смерти Миклошича (17 марта 1891 г.) и Мюллера (13 июля 1895 г.) продолжение издания «Актов» после изданных ими шести томов планировал в начале 1900 г. работавший в Петербурге греческий византист Афанасиос Пападопулос-Керамевс, который с этим проектом безуспешно обращался к венской Академии наук, О. Крестен и К. Штурм-Шнабль высказали предположение: не располагал ли он по крайней мере какой-то частью «научного наследия» Иосифа Мюллера, которое каким-то образом осело в Петербурге? На эту мысль их натолкнули, в частности, сообщенные им автором этих строк сведения о нахождении в Ленинграде письма знаменитого историка византийского права Цахариз фон Лингентала к Миклошичу от 24 сентября 1889 г. с его замечаниями к шестому тому «*Acta et diplomata graeca*», «письма, которое могло попасть в Россию только через Мюллера или с его наследием».⁵⁶

⁵⁵ Ibid. P. 368—370.

⁵⁶ *Kresten O., Sturm-Schnabl K. Aktenstücke und Briefe. . . S. 398. Anm. 205.*

После некоторого собственного «зондажа» этого вопроса могу сказать, что пока следов мюллеровского архива в Ленинграде мне обнаружить не удалось, за исключением одного: в библиотеке Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР хранится экземпляр мюллеровско-миклошичевского издания «Acta et diplomata graeca» (т. I—V, т. VI отсутствует; шифр II 55-2155), который, судя по всему, принадлежал самому Мюллеру и происходит из его личной библиотеки. На фронтисписе первого тома есть его характерная карандашная роспись: J. Müller, синим карандашом проставлена цифра 2889, которая имеется и на корешке переплета (шифр библиотеки Русского Археологического института в Константинополе, о чем свидетельствует и зеленоватый штамп этого учреждения). На другой стороне переплета — наклейка с данными торговой фирмы: A. Buchholz (München) Ludwigstrasse 7. По всему тому также рассеяны карандашные пометы (следы коллации текстов с венским регистром Константинопольского патриархата, даты недатированных документов, иногда не совпадающие с опубликованными, и др.). Думаю, что это пометы Мюллера, собственноручная роспись которого карандашом содержится также на с. 432. Мюллеровскими пометами (на сей раз темно-коричневыми чернилами) испещрен и третий том «Acta et diplomata graeca», но самое главное — к переднему фронтиспису этого тома было приклеено два подлинных немецких, написанных готикой письма, одно из которых — это упоминаемое письмо Цахариз фон Лингентала к Миклошичу от 24 сентября 1889 г., а второе — сопроводительная к первому письму записка Миклошича к Мюллеру от 3 октября 1889 г. (письмо Цахариз, написанное на сдвоенном листочке бумаги, приклеено к сдвоенному же листочку бумаги, на передней части которого содержится текст записки Миклошича). Поскольку ни тот, ни другой документ не имеют прямого отношения к предмету статьи, я не считаю нужным их здесь публиковать, тем более что О. Крестеном планируется специальное издание переписки Миклошича и Мюллера.

Что же касается самого мюллеровского экземпляра «Актов», то он совершенно сознательно (именно как «мюллеровский») был приобретен администрацией РАИК. Среди переписки института с разными учреждениями и лицами по вопросам о приобретении книг для библиотеки РАИК есть несколько писем владельца вышеупомянутой мюнхенской фирмы А. Бухгольца, проливающих некоторый свет на эту проблему. Так, в письме из Мюнхена от 2 мая 1895 г. Бухгольц пишет в адрес директора института по-французски: «Mсье! Выражая Вам благодарность за новые заявки (на книги. — И. М.), имею честь информировать Вас, что все труды уже в состоянии быть отправленными, за исключением Miclosich, Acta и Tafel, Urkunden» («En vous remerciant de vos nouvelles commandes j'ai l'honneur de vous informer que tous les ouvrages sont déjà en état d'être expédiés exceptés Miclosich „Acta“ et Tafel „Urkunden“»).⁵⁷ На письме помета

⁵⁷ Архив АН СССР, ф. 127, оп. 1, № 165, л. 70.

о том, что это ответ на заявку 27 апреля 1895 г. (сама заявка отсутствует в деле).

Другое письмо Бухгольца (19 июня 1895 г.) добавляет детали: «Ваше Превосходительство! Отправка трудов для института, затребованных г. Погодиным (Погодин — ученый секретарь РАИК, который, как это явствует из письма, и отправил Бухгольцу заявку 27 апреля 1895 г. — И. М.), к сожалению, сильно затянулась, потому что у меня была еще надежда найти в последний момент полные экземпляры Miklosich et Müller „Acta gr.“ и Tafel „Urkunden d. Rep. Venedig“. Однако мои неоднократные попытки, к моему великому сожалению, не дали никакого результата в отношении вышепозванных трудов и я должен сказать, что в данный момент невозможно найти их полные экземпляры» («Votre Excellence! L'envoi des ouvrages demandés pour l'Institut par Mons. Pogodine est malheureusement traîné fort en longueur, parceque j'avais eu l'espoir de trouver encore au dernier moment des exemplaires complets de Miklosich et Müller „Acta gr.“ et Tafel „Urkunden d. Rep. Venedig“. Pourtant mes efforts réitérés n'ont pas eu à mon grand regret un resultat satisfaisant pour les ouvrages ci — dessus nommés et je dois dire qu'il n'est pas possible en ce moment d'en trouver des exemplaires complets. . . Agrécz, Monsieur, l'expression de mon parfait éstime. A. Buchholz»).⁵⁸

Наконец, усилия А. Бухгольца увенчались успехом, и письмом из Мюнхена от 13 декабря 1896 г. он, между прочим, извещает дирекцию института о следующем: «Несколько недель назад мне был предложен для продажи личный экземпляр проф. Мюллера „Acta et diplomata graeca m. ae.“, но так как этот экземпляр стоит целых 210 марок, то я до сих пор отказывался от предложения» («Es wurde mir auch vor einigen Wochen das Handexemplar des Professor Müller der „Acta et diplomata graeca m. ae.“ zum Kauf angeboten; da das Exemplar aber 210 MK Kosten voll, so habe ich bis jetzt von einem Angebote abgesehen»).⁵⁹ И хотя в денежных расходных книгах этого института, где фиксировались такого рода приобретения,⁶⁰ а также среди многочисленных счетов фирмы Бухгольц, хранящихся в деле, я соответствующей записи не нашел, ясно, что дирекция РАИК (Ф. И. Успенский) не пожалела средств на эту ценную покупку.

⁵⁸ Там же, л. 76.

⁵⁹ Там же, л. 98 об.

⁶⁰ Там же, № 42, 42а.